

ранение, работа в пожарной команде. Особенно его интересовало, как допрашивали в Особом отделе. Я откровенно рассказал, что все особисты допрос начинали с побоев и все обещали «шлепнуть», т.е. расстрелять, и это были не пустые обещания.

Когда в феврале 1943-го нас, как пополнение, гнали на фронт, однажды пришлось заночевать в какой-то школе на краю села. Одного солдата заставили нарубить дров, чтобы пропотеть, а он нечаянно (или нарочно?) отрубил себе палец на левой руке. Второй солдат чистил винтовку в тот же день и нечаянно (или нарочно?) после чистки закрыл затвор и спустил курок. В магазине был патрон и он отстрелил себе палец на ноге.

В тот же день явился майор, низенький, с неприятным лицом, поставил наш батальон полукругом, заставил тех обоих стать на колени, зачитал решение «тройки» (хотя он был один), подошел к солдатам и хладнокровно выстрелил им в затылок из нагана, предварительно сняв с них шапки.

Потом сказал короткую речь, обращаясь к нам, что так будет с каждым, кто попытается «уклониться» и т.д. и т.п.

Наутро мы пошли дальше, а они остались там лежать.

Владимиру я сказал, что по-моему настоящему шпиону или разведчику ничего не стоит «проскочить» у такого особиста, подумаешь, побои выдержать!

При этих словах Владимир вдруг вытащил из-за пояса пистолет ТТ, направил мне в живот и сказал, что он и есть такой разведчик, и ему поручено завербовать из русских еще одного в их группу.

Я разинул рот от удивления и подумал: что им от меня надо? В учебном артдивизионе особист предлагал сотрудничать, здесь этот подонок... Чем я им нравлюсь?

А Володьке я сказал, что подумаю.

На другой день я все, как сумел, рассказал немцу, своему работодателю. Он на удивление быстро все понял,